

АНТРОПОЛОГИЯ

А.Н. Багашев*, **С.М. Слепченко* ****, **О.В. Кардаш****, **Е.А. Алексеева***,
А.В. Слепцова*

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

**Сургутский государственный университет
просп. Ленина, 1, Сургут, 628412

E-mail: bagashev@mail.ru; s_slepchenko@list.ru; kov_ugansk@mail.ru;
alekseeva.elena.ae@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА БУХТА НАХОДКА 2 НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

Представлены результаты всестороннего исследования палеоантропологических материалов из могильника Бухта Находка 2, расположенного на полуострове Ямал (Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области), датированные VI–VII и XII–XIII вв. н.э. По результатам многомерной статистики показатели изменчивости, зафиксированные на исследованных материалах, не выходят за пределы межгрупповой изменчивости, характерной для северных самодийцев, и в таксономическом отношении эта выборка может быть включена в ямало-енисейскую группу популяций западно-сибирской антропологической формации. Отличают исследованную серию архаичное строение нижних премоляров и вестибулярная выпуклость медиальных резцов, также являющаяся маркером архаики. Внешний облик населения, обитавшего в это время на Ямале, наглядно демонстрируют реконструкции лица по черепу.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, полуостров Ямал, популяция, ямало-енисейский антропологический тип, таксономия, палеоантропология, краниология, одонтология, внешний облик, антропологическая реконструкция лица по черепу.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-104-116

Введение

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным антропологическим типам, разнообразие которых свидетельствует о различных путях их образования [Багашев, 2017]. Ограниченное количество палеоантропологических материалов по северосамодийским народам (ненцы, энцы и нганасаны) и кетам не позволяет однозначно отнести некоторые группы населения к той или иной таксономической категории.

Появление новых антропологических данных об особенностях физического облика обитателей субарктических областей Западной Сибири позволяет уточнить пределы характерной для них индивидуальной и межгрупповой изменчивости.

Цель данной статьи — дать всестороннее антропологическое описание краниологических находок, полученных при исследовании могильника Бухта Находка 2, содержащего две группы захоронений — VI–VII и XII–XIII вв., а также конкретизировать их место в популяционной структуре и систематике коренных народов севера Западной Сибири.

Археологический контекст

Изучение археологических объектов в ямальской бухте Находка началось в 1961 г. в рамках этнографической экспедиции МГУ под руководством Л.П. Лашука [1968]. Тогда же было выявлено укрепленное поселение, названное Сопка Харде-седе («имеющая жильё сопка») и атрибутированное как «заброшенное “священное” место». В то же время в районе зверофермы национального поселка Бухта Находка (ныне нежилого) было обнаружено первое средневековое захоронение [Там же]. Погребение не содержало инвентаря, и дальнейшая его судьба неизвестна. Летом 2006 г. в бухте Находка разведочной группой под руководством О.В. Кардаша проводилось обследование, в результате которого была выявлена серия раннесредневековых стоянок, а святилище Харде-седе атрибутировано как *городище Бухта Находка* [Кардаш, 2011]. В 2007 г. начаты стационарные раскопки этого оборонительно-жилого комплекса. Время функ-

Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал

ционирования укрепленного поселения Бухта Находка было определено дендрохронологическим методом. Оно было основано около 1084 г., а строительство последнего оборонительно-жилого комплекса относится к 1219–1225 гг. [Sidorova et al., 2017]. Таким образом, весь период существования городища Бухта Находка укладывается в интервал конец XI — первое десятилетие XIV в., а последнего сооружения — в промежуток начало XIII — первое десятилетие XIV в. (около 1219–1310 гг.)

Параллельно со стационарными исследованиями городища Бухта Находка в 2012 г. на побережье было проведено разведочное обследование, в ходе которого выявлены еще несколько стоянок и средневековый могильник, получивший название Бухта Находка 2 [Усолкина, 2012]. Могильник рекогносцировочно изучен летом 2016 г. [Кардаш, 2017].

Могильник Бухта Находка 2 расположен на западном берегу безымянного озера у побережья бухты Находка — залива Обская губа Карского моря, в 255 км к северо-востоку от г. Салехарда, в 75 км к северо-востоку от п. Яр-Сале Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

На территории могильника обнаружены захоронения, относящиеся к двум периодам. В связи с этим погребения получили двойную нумерацию. Первая группа, промаркированная цифрой 1, представлена двумя могилами VI–VII вв. зеленогорской археологической культуры. Вторая группа, промаркированная цифрой 2, включает шесть захоронений индивидов и четыре кенотафа XII–XIII вв. Радиоуглеродное датирование, включая определение калиброванного абсолютного возраста образцов (табл. 1), проводилось в лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А.И. Герцена [Нестеров, 2017]. Всего процедуре изотопного анализа подверглись 16 образцов, по двум из них получить дату не удалось.

Таблица 1

Результаты определения абсолютного возраста органических образцов из могильника Бухта Находка 2

Table 1

The results of determining the absolute age of organic samples from the burial ground Buchta Nakhodka 2

№ п/п	Шифр образца (полевой)	Характеристика образца	Шифр образца (СПб., лаб.)	Изотопный возраст	Дата, гг. н.э.
Группа погребений № 1					
1	БНМ-1	Погр. 1.1, склеп (дерево)	SPb-2517	1506 ± 25 BP*	511 ± 25
2	БНМ-6	Погр. 1.1, крышка склепа (уголь)	SPb-2518	1518 ± 25 BP	499 ± 25
3	БНМ-7	Погр. 1.1, короб (береста)	SPb-2511	1495 ± 25 BP	522 ± 25
4	БНМ-12	Погр. 1.1, postcranium чел. (ребра)	SPb-2505	1530 ± 25 BP	487 ± 25
5	БНМ-3	Погр. 1.2, гроб (береста)	SPb-2516	1516 ± 40 BP	501 ± 40
6	БНМ-5	Погр. 1.2, крышка склепа (дерево)	SPb-2514	1480 ± 25 BP	537 ± 25
7	БНМ-9	Погр. 1.2, postcranium чел. (ребра)	SPb-2502	1520 ± 25 BP	497 ± 25
Группа погребений № 2					
8	БНМ-2	Погр. 2.1, крышка склепа (дерево)	SPb-2515	778 ± 25 BP	1239 ± 25
9	БНМ-11	Погр. 2.1, postcranium чел. (ребра)	SPb-2503	804 ± 25 BP	1213 ± 25
10	БНМ-10	Погр. 2.2, postcranium чел. (крестец)	SPb-2504	755 ± 25 BP	1262 ± 25
11	БНМ-4	Погр. 2.3, склеп (дерево)	SPb-2513	757 ± 25 BP	1260 ± 25
12	БНМ-13	Погр. 2.3, cranium чел. (челюсть)	SPb-2506	790 ± 25 BP	1227 ± 25
13	БНМ-8	Погр. 2.9, гроб (береста)	SPb-2512	745 ± 25 BP	1272 ± 25
14	БНМ-14	Погр. 2.9 (шерсть)	SPb-2507	765 ± 25 BP	1252 ± 25

*BP — количество лет от наших дней.

В итоге возраст захоронения взрослой женщины из погребения 1.1 следует определить в интервале середина VI — середина VII в., возраст захоронения взрослого мужчины из погребения 1.2 — конец VI — середина VII в., возраст захоронения женщины из погребения 2.1 — конец XII — середина XIII в. Остальные захоронения и кенотафы хронологически не выходят за пределы XIII в.

Погребения неравномерно распространены по всей площади памятника, регулярной планировки не зафиксировано, костные останки находились в шести погребениях. Не исключено, что это погребения обитателей близлежащих средневековых стоянок и укрепленного поселения Бухта Находка, которое местные жители — ненцы идентифицируют с фольклорным народом «сихиртя» [Кардаш, 2011].

Следует отметить, исследователи на территории Севера Западной Сибири до настоящего времени ни один из известных средневековых грунтовых могильников непосредственно не связывали с каким-либо конкретным поселением [Зыков, 2012]. В данном же случае связь группы погребений XII–XIII вв. могильника Бухта Находка 2 с населением расположенного в непосредственной близости городища Бухта Находка периода XIII в. не вызывает сомнения. *Таким образом, могильник Бухта Находка 2 является первым средневековым погребальным источником, который позволяет достоверно идентифицировать данную археологическую культуру с населением конкретного антропологического типа.*

Раскопками выявлены две особенности погребального обряда могильника Бухта Находка 2. Во второй группе захоронений, XII–XIII вв., — индивиды, уложенные на левом боку, с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами, что не характерно для севера Западной Сибири и ранее не фиксировалось в других средневековых могильниках [Зыков, 2012]. Захоронения в такой позе наиболее типичны для населения юга Сибири. Единственной аналогией такой форме захоронения может являться одиночное погребение в постройке 4 поселения Хаэн Сале на северном Ямале (пролив Малыгина). Предположительно время погребения определено В.Н. Чернецовым в пределах первой половины XVII в.: «Скелет лежал на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на север. У правой руки лежали два наконечника гарпунов, а в изголовье топор и полукруглая железная пёрка. В ногах обнаружены остатки деревянного предмета, по-видимому, лука, положенного на тело. Под костяком в некоторых местах заметны следы тонких досок, положенных в поперечном направлении. Такие доски, но положенные вдоль тела, покрывали погребение сверху. Сохранность костяка очень плохая. Судя по степени срастания черепных швов, скелет принадлежал уже немолодому субъекту. Следует отметить чрезвычайно сильную стертость зубов нижней челюсти» [1935, с. 116–117]. Близость погребального обряда позволяет связать культуру населения бухты Находка XI–XIII вв. и поселения Хаэн Сале XVI–XVII вв., когда на полуострове Ямал начинают появляться «самоеды» — предки современных ненцев-оленевонов [Чернецов, 1935].

Второй особенностью является ингумация умерших, характерная для всех средневековых могильников таежной зоны севера Западной Сибири. Современные ненцы, проживающие на полуострове Ямал и именуемые аборигенами, как минимум последние 200 лет практикуют наземные захоронения — хальмеры [Народы Западной Сибири..., 2005].

В тундровой зоне Крайнего Севера Западной Сибири грунтовые могильники встречаются довольно редко. Находки погребений ограничивались одиночными могилами. На сегодняшний день грунтовый могильник Бухта Находка 2 — единственный известный на полуострове Ямал объект, по материалам которого возможно проведение палеоантропологических исследований.

Материалы и методы

Всего в процессе исследований были проанализированы четыре черепа, полученных в результате раскопок могильника Бухта Находка 2: из группы погребений VI–VII вв. — один мужской (1.2) и один женский (1.1) череп и из группы XII–XIII вв. — два женских черепа (2.1, 2.4).

Половая диагностика проводилась на основании морфологии черепа, нижней челюсти, по строению таза и посткраниального скелета [Lovejoy, 1985; Meindl, Lovejoy, 1985; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Возраст погребенных определялся по степени облитерации швов черепа и стертости зубов [Buikstra, Ubelaker, 1994].

Измерение черепов осуществлялось по стандартной краниометрической методике, дополненной измерением высоты поперечного изгиба лба (УПИЛ) и вычислением условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) на основании индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преарикулярного фациocereбрального указателя (ПФЦ) [Алексеев, Дебеч, 1964; Гохман, 1961, Дебеч, 1968]. Анализ межгруппового сходства и различий был выполнен путем расчета расстояния D2 Махаланобиса — Рао по программе Ю.К. Чистова (1994 г.).

Для одонтологического обследования оказались доступны четыре индивида из могильника Бухта Находка 2. Исследование проводилось по стандартной методике [Зубов, 1968, 2006] с учетом маркеров архаики [Зубова, 2013]. Для описания степени стертости зубов использовалась пятибалльная шкала для фронтальных зубов и шестibalльная для заклыковых [Зубов, 1968].

Реконструкция лица по черепу была проведена по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1973, 1998; Никитин, 2009; Филиппов, 2015] с использованием данных исследований зарубежных авторов [Stephan, Sc (Hons), 2002; Stephan et al., 2003; Stephan, 2003; Stephan,

Davidson, 2008; Guyomarc'h, Stephan, 2012]. Портреты трех индивидов выполнены в графической технике в профиль и анфас.

Антропологические характеристики индивидуумов, погребенных в могильнике Бухта Находка 2

Краниология

Череп мужчины из погребения 1.2 (VI–VII вв.) могильника Бухта Находка 2 долихокранный при очень малой высоте свода, женские черепа имеют более округлую форму.

Лицевой отдел черепа мужчины средней ширины и высоты, умеренно профилированный в горизонтальной плоскости на среднем уровне, но относительно более уплощенный на уровне орбит. Размеры носовой части черепа средних величин, орбиты достаточно широкие при небольшой высоте. У женских черепов лицо более узкое и низкое, уплощенное в горизонтальной плоскости.

В строении переносья мужского черепа отмечается дисгармония. Относительно большая его высота сочетается с небольшой шириной при очень слабом выступании носовых костей над линией вертикального профиля лица. В женской группе фиксируется гармоничное сочетание небольшой ширины и высоты в строении переносья с относительно большим углом выступания носа. Средние размеры и указатели черепов северных самодийцев и населения, оставившего могильник Бухта Находка 2, представлены ранее [Bagashev et al., 2018].

В целом морфологические особенности исследуемых черепов из могильника Бухта Находка 2 указывают на их принадлежность к промежуточному варианту между западной и восточной антропологическими формациями. Однако обобщенные показатели уплощенности лица и пропорции мозговой коробки свидетельствуют о преобладании в их краниологической структуре элементов, которые сближают анализируемые черепа с монголоидными популяциями. Отличительной морфологической чертой данной группы черепов является синтез монголоидного строения мозговой коробки с уплощенным по горизонтали лицом и малым углом выступания носа в сочетании с относительно европеоидным строением переносья, особенно четко выраженным на мужском черепе (погр. 1.2) [Bagashev et al., 2018].

Одонтология

Погребение 1.1 (VI–VII вв.). Зубы индивида сильно стерты. Фронтальные и правый латеральный резцы и моляры правой стороны челюсти утрачены посмертно. Верхний левый клык отсутствует — гиподонтия. Степень лопатообразности латерального левого резца и правого клыка установить невозможно (стертость балл 5). На премолярах фиксируются следы посмертных сколов эмали, однако оказалось возможным установить, что на первом правом премоляре лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2), на втором левом — примерно одинакового размера с вестибулярным (балл 3). Второй правый премоляр развернут в медиальную сторону на 60 градусов. Лингвальный бугорок этого зуба значительно меньше вестибулярного (балл 1). С левой стороны гипоконус первого и второго моляров не редуцирован. На третьем зубе данного класса гипоконус сильно редуцирован (балл 3+). Метаконус на зубах данного класса слаборедуцирован. С5 и бугорок Карабелли отсутствуют. С вестибулярной стороны на втором и третьем молярах отмечен сильный затек эмали (балл 6). Значения среднего модуля ряда верхних моляров находятся в границах мезодонтии (табл. 2).

Зубы нижней челюсти также сильно стерты (балл 5) и частично разрушены. Нижний правый клык отсутствует — гиподонтия. Судя по всему, премоляры имели моляризованную форму (балл 5), а моляры 5-бугорковую. Наблюдается незначительная асимметрия вторых премоляров, метаконид которых смещен дистально. С вестибулярной стороны моляров цингулом отсутствует, но отмечен сильный затек эмали (балл 6). Величина индекса коронки нижних моляров находится в границах мезодонтии.

Степень стертости жевательной поверхности зубов соответствует возрасту на момент смерти 40–50 лет.

Погребение 1.2 (VI–VII вв.). Для исследования доступны все зубы верхней челюсти. Стертость центральных резцов (балл 5) не позволяет установить их форм, но отмечен умеренно развитый лингвальный бугорок (балл 1). Латеральные резцы не редуцированы, с развитыми краевыми гребнями (балл 2). На первых премолярах лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2), на вторых — примерно одинакового размера с вестибулярным (балл 3). Первые верхние моляры не редуцированы. На вторых молярах гипоконус и метаконус редуцированы слабо. Третьи моляры еще более редуцированы — отсутствует гипоконус (балл 3), при этом метаконус меньше половины

параконуса (балл 3). На зубах этого класса отмечено отсутствие бугорка Карабелли и косо́го гребня. Стертость коронок (балл 3) не позволяет определить наличие С5. Значения среднего модуля ряда верхних моляров находятся в границах микродонтизма.

Сохранились все заклыковые зубы нижней челюсти. Вторые премоляры моляризированной формы (тип 5). Правый премоляр имеет архаичное строение, он трехбугорковой формы, трансверсальный гребень смещен в дистальную сторону. Талонид несколько расширен относительно тригонида (рис. 1). Первые моляры с «У»-узором коронки, стерты достаточно сильно (балл 5) и имеют следы посмертного разрушения. Вторые моляры 5-бугорковые, с узором коронки «Х». С вестибулярной стороны у них фиксируются затек эмали (балл 6) и ямка протостилида. Третий моляр 5-бугорковой формы, с «Х»-узором коронки, «tami», протостилид и дистальный гребень тригонида отсутствуют. Величины индекса коронок нижних моляров находятся в границах мезодонтии.

Степень стертости зубов соответствует возрасту на момент смерти 40–50 лет.

Погребение 2.1 (XII–XIII вв.). Для исследования доступны только четыре зуба верхней челюсти. Отмечена гиподонтия левого клыка. Правый клык характеризуется отсутствием лингвального бугорка, краевые и дополнительные гребни также не зафиксированы. На первом премоляре лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2). Первый правый моляр поврежден посмертно, однако возможно отметить его нередуцированную форму и отсутствие бугорка Карабелли. На втором левом моляре полностью редуцирован гипоконус (балл 3) при крупном метаконусе (балл 1). Дополнительные морфологические детали (С5) отсутствуют.

Степень стертости жевательной поверхности коронок зубов соответствует возрасту на момент смерти 20–30 лет.

Погребение 2.3 (XII–XIII вв.). Из зубов верхней челюсти для исследования доступны левый медиальный и правый латеральный резцы, правый клык и несколько моляров. Все зубы частично разрушены посмертно. На резцах присутствуют умеренно выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 1). На медиальном резце отмечена вестибулярная выпуклость коронки, а на латеральном — пальцевидные гребни с лингвальной стороны. Гипоконус первого моляра слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). Бугорок Карабелли отсутствует. Передние и задние ямки отсутствуют, как и дополнительные маргинальные бугорки. На втором левом моляре гипоконус сильно редуцирован (балл 3+), так же как и метаконус (балл 2). На третьих молярах гипоконус отсутствует, метаконус меньше половины параконуса (балл 3). С5 отсутствует, на левом моляре отмечен дополнительный мезиальный бугорок. Величина среднего модуля ряда верхних моляров (вычисленная по модулю M^2 и M^3) находится в пределах, характерных для макродонтии.

Степень стертости зубов соответствует возрасту на момент смерти 25–35 лет.

Рис. 1. Зубы нижней челюсти мужчины из погребения 1.2.
Fig. 1. Teeth of the lower jaw of a male from burial 1.2.

Таблица 2

Мезио-дистальный и вестибуло-лингвальный диаметры коронок моляров

Table 2

Mesio-distal and vestibular-lingual diameters of crowns of molars

	Верхняя челюсть						Нижняя челюсть					
	M ¹		M ²		M ³		M ₁		M ₂		M ₃	
	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL
Погребение 1.1	9,63	11,72	9,44	11,63	8,79	10,99	10,06	11,15	9,93	10,94	8,25	—
Погребение 2.1	9,83	11,31	10,18	11,45	8,98	9,84	11,07	10,76	10,9	10,89	9,88	10,25
Погребение 1.2	0,04	—	9,20	9,98	—	—	—	—	—	—	—	—
Погребение 2.3	—	—	9,69	12,17	9,43	11,92	—	—	—	—	—	10,00

Антропологическая реконструкция лица

Погребение 1.1. (VI–VII вв.). Череп женщины, возраст смерти которой определен в диапазоне 40–50 лет, характеризуется плавным переходом костей от лобной к теменным и от теменных к затылочной, во фронтальной норме имеет округлый контур. Чешуя височных костей округлой формы, направление ее ближе к вертикальному. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Форма лицевого отдела черепа (общий лицевой контур) — орбикулярная. Надбровные дуги развиты слабо, не доходят до середины орбитального края. Лоб узкий, прямой. Орбиты средней высоты, очень широкие, квадратной формы, с замкнутой глазницей и наклонной профилировкой. Фронтальная постановка орбит средняя. Форма надглазничного края — прямая. Линия разреза глаз имеет горизонтальное направление. Раструб слезной части выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Нос средней ширины и высоты, симметричный, с острым подносовым краем. Подносовой шип развит умеренно, направлен горизонтально. Прикус, вероятно, ступенчатый. Подбородок умеренно выступающий, узкий, округлый.

Полученные графические изображения дают представление об облике женщины зрелого возраста, со среднешироким невысоким лицом орбикулярной формы, с узким прямым лбом, слабовыступающим носом, узким, умеренно выступающим подбородком. Нос широкий, средних размеров, с прямой спинкой и горизонтально направленным кончиком. Глаза небольшие, с горизонтальным разрезом линии смыкания век, с прямой ровной складкой верхнего века. Признаков развития эпикантуса по черепу не выявлено. Нижняя часть лица со слабо выступающим подбородком, средней ширины ртом. Нижняя губа заметно выступает вперед.

Изображения прически и гребня выполнены с привлечением археологических данных (рис. 2).

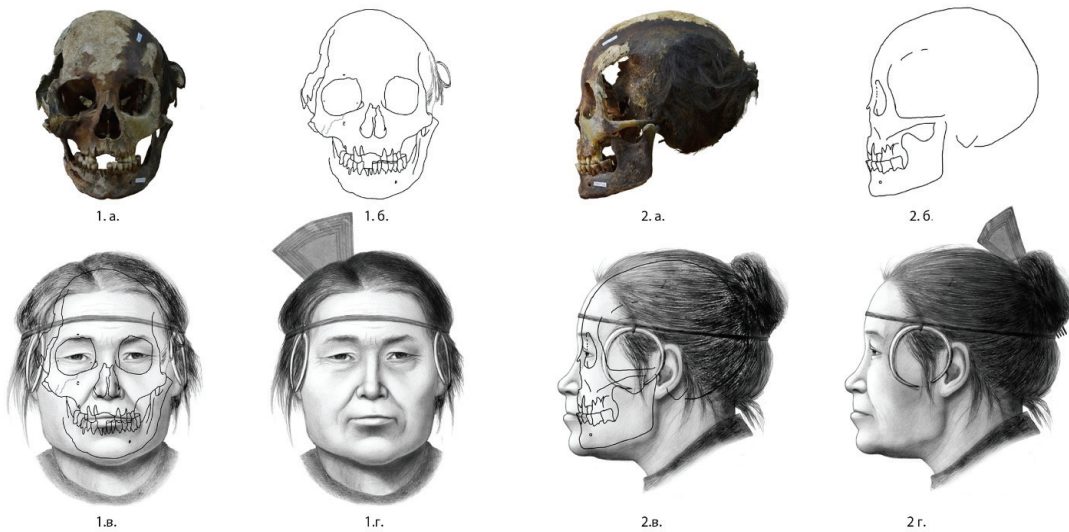

Рис. 2. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет женщины 40–50 лет из погребения 1.1 (VI–VII вв.): 1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).

Fig. 2. Facial reconstruction on the skull. Graphic portrait of a 40–50 year old female from burial 1.1 (6th–7th centuries): 1 — front; 2 — sideways (а — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

Погребение 1.2. (VI–VII вв.). Череп мужчины, умершего в возрасте 40–50 лет, имеет округлый контур свода со стороны лба, в профиль — с плавным переходом костей. Височные кости округлые, направлены вертикально. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Форма лицевого отдела черепа в ее соответствии с формами лица по Пех-Мартину — пентагональная. Надбровные дуги доходят до середины верхнеорбитального края, на уровне глабеллы развиты сильно. Лоб наклонный, узкий. Орбиты средней высоты, очень широкие, квадратной формы, имеют наклонную профилировку. Фронтальная постановка орбит — средняя. Надглазничный край ровный. Тип глазницы — замкнутый. Глазничные бугорки не выражены. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Слезный раструб слабо выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Нос высокий,

узкий, симметричный. Подносовой шип развит умеренно, направлен вверх. Прикус — псалидонтный (ножницеобразный). Подбородок в профиль — выступающий, в анфас — узкий, округлый.

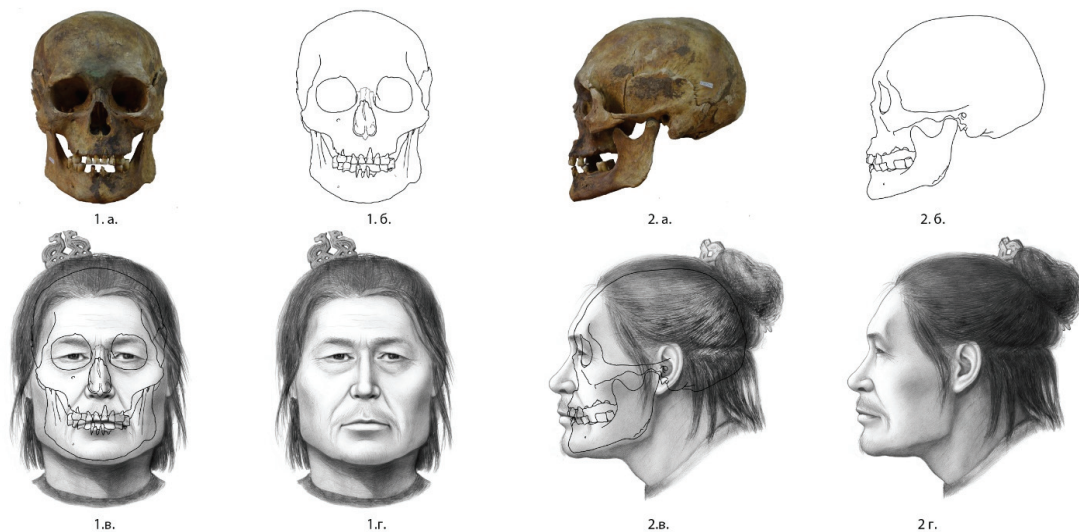

Рис. 3. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет мужчины 40–50 лет из погребения 1.2 (VI–VII вв.): 1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).
Fig. 3. Facial reconstruction of the skull. Graphic portrait of a 40–50 year old male from burial 1.2 (6th–7th centuries): 1 — front; 2 — sideways (a — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

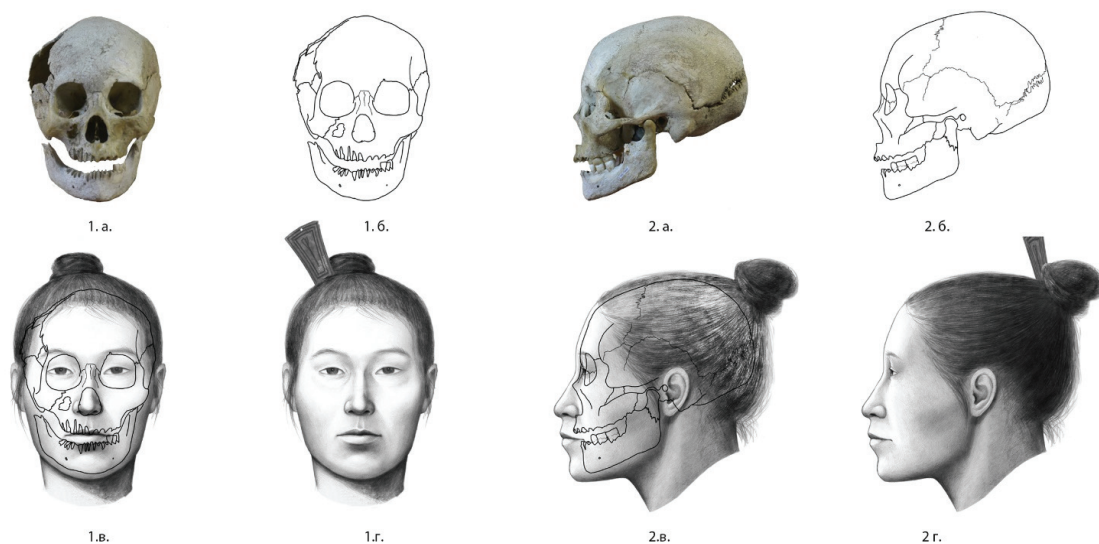

Рис. 4. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет молодой женщины (20–30 лет) из погребения 2.1 (XII–XIII вв.):

1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).
Fig. 4. Facial reconstruction of the skull. Graphic portrait of a young female from burial 2.1 (XII–XIII centuries): 1 — front; 2 — sideways (a — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

В результате реконструкции по черепу мы можем описать портрет зрелого мужчины с лицом средней высоты и ширины, пентагональной формы. Покатый лоб с выраженным надбровьем возвышается над выступающим симметричным носом с приподнятым основанием и кончиком. Складка верхнего века закрывает наружный угол глаза. Складка эпикантуса не развита. Подносовая часть лица характеризуется крупной широкой нижней челюстью с выступающим, узким, округлым подбородком и среднешироким ртом. Прическа и гребень изображены на основе археологических данных (рис. 3).

Погребение 2.1 (XII–XIII вв.). Череп молодой женщины, умершей в возрасте 20–30 лет, характеризуется плавным переходом костей от лобной к теменным и от теменных к затылочной,

Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал

во фронтальной норме имеет округлый контур. Чешуя височных костей округлой формы, направление ее ближе к вертикальному. Теменные и лобные бугры хорошо выражены. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Лицо очень низкое, узкое в скулах. Форма лицевого отдела черепа (общий лицевой контур) — овоидная. Лоб узкий, наклонный. Надбровные дуги развиты слабо, не выступают относительно глабеллы, не доходят до середины верхнеорбитального края. Орбиты средней высоты и ширины, квадратной формы, с замкнутой глазницей. Форма надглазничного края прямая. Профилировка орбит наклонная. Фронтальная постановка орбит средняя. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Раструб слезной части не выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Нос узкий и высокий. Охарактеризовать подносовый край и подносовой шип невозможно из-за разрушения костей. Прикус, вероятно, ножницеобразный. Подбородок слабо выступающий, узкий, округлый.

На полученных графических изображениях представлен портрет молодой женщины с узким невысоким лицом овоидной формы, узким наклонным невысоким лбом, со слабо выступающим, узким подбородком. Узкий нос слабо выступает относительно плоскости лица, скорее всего, имел прямую спинку и горизонтально направленный кончик. Глаза небольшие, с косовнутренним направлением разреза линии смыкания век, с прямой ровной складкой верхнего века. Эпикантус отсутствует. Рот небольшой. Прическа и гребень соответствуют археологическим данным (рис. 4).

Результаты сравнительного анализа

Краниология

Для выяснения общих закономерностей межгрупповой изменчивости народов Северной Евразии, их морфологических особенностей и определения таксономического положения выборки из могильника Бухта Находка 2 проведено ее сопоставление с обобщенными краниометрическими данными по группам уральского (ханты северные и восточные), объ-иртышского (чулымские тюрки и нарымские селькупы), ямало-енисейского (тундровые ненцы) антропологических типов западно-сибирской формации [Bagashev et al., 2018].

Характер межгрупповой изменчивости показал, что особенностью всех западно-сибирских групп является дисгармоничное сочетание монголоидного комплекса (слабое выступание носовых костей, плоское по горизонтали лицо и переносье) с европеоидными чертами строения мозговой коробки (долихокранный череп с низким лицом). Но именно данное сочетание определяет антропологическую специфику западно-сибирских популяций, особенно уральского типа, что служит индикатором былого расогенетического единства. Этот же комплекс (но в ослабленном виде) присущ северосамодийским группам. Краниологическому типу кетов свойственно в целом сочетание признаков, характерное для западно-сибирских групп, но с рядом особенностей, которые сближают их все-таки с северосамодийскими выборками [Багашев, 2016].

Все северосамодийские группы дистанцируются от серий более высокоголовых и низколицих черепов. Данная морфологическая особенность наиболее отчетливо представлена в краниологической структуре объ-иртышских популяций западно-сибирской формации — нарымских селькупов и томско-чулымских тюрков. Одновременно наблюдается отклонение северосамодийских групп и от более узколицих и долихокранных выборок. В нашем случае эта особенность наиболее четко прослеживается в составе обских угров [Bagashev et al., 2018].

В целом можно говорить о наличии в составе рассматриваемых групп определенных морфологических комплексов: черепа с удлинённой мозговой коробкой и небольшой высотой имеют более узкое и низкое, сильнее профилированное переносье и лицо в средней части в сочетании с малым углом носа в вертикальном профиле. Противоположная ситуация характерна для брахиокранных черепов, у них более уплощенное на уровне орбит лицо сочетается с сильнее выступающим носом. Выявляемые комплексы признаков в поляризованной форме наблюдаются в угорских (долихокранность и скоррелированные с ней признаки) и ненецких (брахиокранность и связанные с ней характеристики) группах. Тяготение северных хантов к ненцам обусловлено трансгрессией их ареалов, вследствие чего метисационные процессы между ними не могли не оставить следа в их генофондах [Багашев, 2017; Bagashev et al., 2018].

Одонтология

К сожалению, неудовлетворительная сохранность исследуемой серии (сильная стертость жевательной поверхности коронок и множественные посмертные разрушения эмали) не позволи-

ла провести статистическое сопоставление одонтоскопических признаков. Удалось выполнить только одонтометрический анализ. Серия из могильника Бухта Находка 2 была сопоставлена с древними и современными популяциями с территории Западной Сибири для определения примерного круга биологических связей изучаемого населения. Анализ выполнялся методом главных компонент на основании мезио-дистальных и вестибуло-лингвальных диаметров коронок всех верхних и нижних моляров. Выборки анализировались суммарно по полу.

Таблица 3

Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

Table 3

Statistical loads on the features of first two factors

	Фактор 1	Фактор 2
md M ¹	0,55	-0,74
vi M ¹	-0,79	-0,49
md M ²	-0,77	-0,37
vi M ²	-0,84	-0,47
md M ³	-0,84	0,47
vi M ³	-0,91	0,29
md M ₁	-0,12	0,21
vi M ₁	-0,57	-0,43
md M ₂	0,01	-0,20
vi M ₂	-0,68	-0,31
md M ₃	0,66	-0,10
vi M ₃	-0,13	-0,53

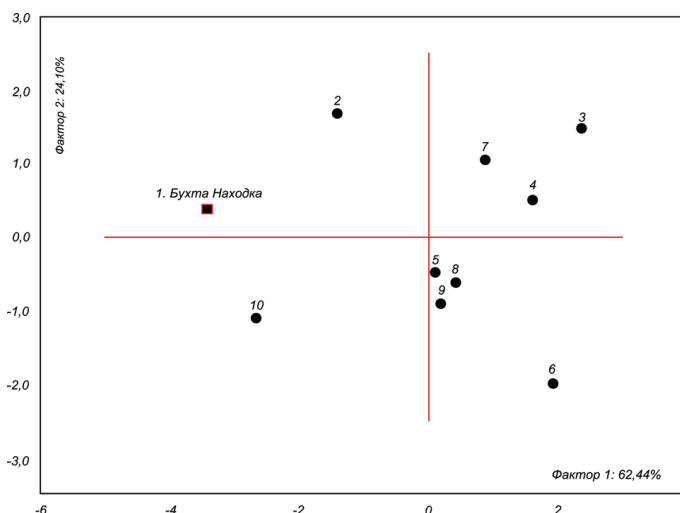

Рис. 5. Распределение одонтометрических серий в пространстве первых двух факторов:

- 1 — могильник Бухта Находка 2 (VI–VII, XII–XIII вв.); 2 — ненцы (могильник Вэсакояха XIX — начало XX в.) [Зубова, неопубликованные данные]; 3 — манси суммарно (XVIII–XX вв.); 4 — ханты р. Балык (XX в.); 5 — ханты р. Васюган (XX в.); 6 — ханты р. Вах (XX в.); 7 — южные селькупы рр. Обь, Парабель, Васюган (XX в.); 8 — южные селькупы р. Кеть (XX в.); 9 — кеты суммарно (XIX–XX вв.) [Аксянова, 2003]; 10 — северные селькупы (могильник Кикки-Акки (XVIII–XIX вв.) [Слепцова, неопубликованные данные].

Fig. 5. Distribution of dental anthropological series in the space of the first two factors:

- 1 — Buchta Nakhodka 2 (6th–7th cc., 12th–13th cc.), 2 — Nenets (Vasakoyaha burial) (19th — early 20th c.) [Zubova, unpublished data], 3 — Mansi (18th–19th cc.), 4 — Balyk River Khanty (20th c.), 5 — Vasyugan River Khanty (20th c.), 6 — Vakh River Khanty (20th c.), 7 — Selkups living along the Ob, Pabel, Vasyugan Rivers (20th c.), 8 — Ket River Selkups (20th c.), 9 — Kets (19th–20th cc.) [Aksyanova, 2003], 10 — Northern Selkups (Kikki-Akki burial) (18th–19th cc) [Sleptsova, unpublished data].

В составе первого фактора достоверно высокие отрицательные нагрузки приходятся почти на все мезио-дистальные и вестибуло-лингвальные диаметры верхних моляров (табл. 3). В составе второго фактора достоверно дифференцирует серии только отрицательная нагрузка на мезио-дистальный диаметр первого верхнего моляра. Однако на второй фактор приходится меньшая доля изменчивости (24,10 %).

По комплексам признаков, описываемым первыми двумя факторами (86,54 % изменчивости), ближе всех к серии из Бухты Находка 2 расположились группы северных селькупов из мо-

гильника Кикки-Акки и ненцев из могильника Вэсакояха (рис. 5). Выборки расположились в поле отрицательных значений первого фактора. Заметное отклонение обеих серий от общей совокупности угро-самодийского населения Западной Сибири может свидетельствовать о наличии в их составе дополнительного компонента, отсутствующего в других популяциях, привлеченных для сравнения. Серии южных селькупов рр. Обь, Перабель, Васюган и Кеть отличны от северных ввиду меньших вестибуло-лингвальных размеров моляров. Отличие северных селькупов из Кикки-Акки от южных зафиксировано также по данным одонтологии и краниологии [Пошехонова и др., 2015; Пошехонова, 2018]. Особенности морфологической характеристики серии из могильника Бухта Находка 2, в частности — архаичное строение нижних премоляров и вестибулярная выпуклость медиальных резцов, находят аналогии у населения северных селькупов (могильник Кикки-Акки) [Там же]. Это, однако, не позволяет сделать вывод о близости исследованной серии с полуострова Ямал с северными селькупами, так как, за исключением могильника Вэсакояха [Багашев, Слепченко, 2015; Зубова, неопубликованные данные], серия из Кикки-Акки — единственная серия севера Западной Сибири, обследованная по программе учета маркеров архаики. Необходимо дальнейшее исследование материалов севера Западной Сибири по этой методике.

Обсуждение результатов и выводы

Исследованные антропологические материалы из могильника Бухта Находка 2 позволили впервые охарактеризовать физический облик средневекового населения арктической тундры. Учитывая высокую индивидуальную изменчивость современного человека, морфологические особенности черепов из этих могильников, можно сделать вывод, что данная выборка относится к группе популяций западно-сибирской антропологической формации.

Различия в погребальной обрядности разновременных захоронений могильника Бухта Находка 2 не радикальные, но существенные: погребенные в группе VI–VII вв. лежат на спине с вытянутыми руками и ногами, в группе XII–XIII вв. — на левом боку с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами. Различается и размещение сопровождающего инвентаря. Однако краниологический анализ свидетельствует о высокой степени антропологической близости индивидов обеих хронологических групп или даже о их единстве и вероятной преемственности. Это позволяет сделать вывод, что у населения южного Ямала, а возможно, и шире — Нижней Оби в интервале VI–XIII вв. не произошло значительных изменений в физическом облике. Вместе с тем на рубеже I–II тыс., примерно в интервале IX–XI вв., отмечаются значительные изменения в сфере материальной и духовной культуры. В историко-экологическом отношении это время соответствует интервалу максимальных температур «норманнского потепления», что не могло не отразиться на климатических условиях всего арктического региона. В общеисторическом контексте это время совпадает с начальным этапом освоения населением северо-востока Европы территорий Северной Азии, датируемым XI–XIII вв., созданием на территории Нижней Оби торгово-промысловых поселений (факторий) и включением Югры в состав волостей Новгорода Великого [ПСРЛ, т. IX, 1862, с. 79, 127; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с. 10–30; Кардаш и др., 2018].

Фактически в данной работе мы впервые можем представить антропологический облик тех самых «юричей», с которыми, по летописным данным, контактировали и торговали новгородцы в XI–XIII вв., что, в частности, подтверждается археологически [ПСРЛ, т. IX, 1862, с. 127; Кардаш, Усолкина, 2009; Кардаш, 2011, с. 39–41].

Население полуострова Ямал вышеописанного антропологического типа продолжает существовать до XVI–XVII вв., а близость краниологических параметров индивидов из могильника Бухта Находка 2 и северных самодийцев дает основание говорить об участии древнего населения Ямала в формировании антропологического облика как минимум некоторых групп современных ненцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аксянова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 292–344.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964. 127 с.
- Багашев А.Н., Слепченко С.М. Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 6–10.
- Багашев А.Н. Межгрупповая изменчивость краниологических особенностей северных самодийцев и кетов // Вестник ТГУ. 2016. № 4 (42). С. 86–93.
- Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 406 с.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.

- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // Труды ИЭ. Нов. сер. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Грамоты* Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. 407 с.
- Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.
- Зубова А.В.* Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Кардаш О.В.* Городок сиртя в Бухте Находка: (Первые результаты исследований). Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во: АМБ, 2011. 60 с.
- Кардаш О.В.* Отчет об археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «могильник Бухта Находка 2» в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году. Нефтеюганск, 2017. 157 с.
- Кардаш О.В., Липс С.А., Сидорова М.О., Мыглан В.С.* Надымский городок: Новые данные о хронологии и русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 окт. 2018 г.): В 2 ч. / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издат. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. С. 346–381.
- Кардаш О.В., Усолкина М.А.* Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: В 2 ч. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 335–347.
- Лашук Л.П.* «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 178–193.
- Лебединская Г.В.* Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.
- Народы Западной Сибири:* Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова; ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; ИАЭТ СО РАН. М.: Наука, 2005. 805 с.
- Нестеров Е.М.* НТО: Радиоуглеродный анализ органических образцов из могильника «Бухта Находка 2». СПб., 2017. 25 с.
- Никитин С.А.* Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.
- Полное собрание русских летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии / Отв. ред. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Эдуарда Параца, 1862. Т. 9. 256 с.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 93–104.
- Пошехонова О.Е.* Новые данные по краниологии верхнетазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 109–118.
- Усолкина М.А.* Отчет о НИР: Проведение археологических разведочных работ на побережье бухты Находка. Нефтеюганск, 2012. 160 с.
- Филлипов В.К.* Определение центра радужной оболочки глаза при графической реконструкции лица по черепу // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 2. С. 106–107.
- Чернецов В.Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5. С. 109–133.
- Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Kardash O.V.* Materials for Craniology of the Northern Samodians. Annals of Volgograd State University. 2018. Vol. 23. № 4. P. 6–14.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 1994. No. 44. 206 p.
- Guyomarc'h P., Stephan C.N.* The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation // Journal Forensic Sci. 2012. Vol. 57. No. 6. P. 1427–1441.
- Lovejoy C.O.* Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1985. No. 68. P. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1985. No. 68. P. 57–66.

Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал

Sidorova Maya O., Büntgen Ulf, Omurova Gulzar T., Kardash Oleg V., Myglan Vladimir S. First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // *Dendrochronologia*. 2017. Vol. 44. P. 146–152.

Stephan C.N., B.H. Sc (Hons.) Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature // *Journal Forensic Sci*. 2002. Vol. 47. No. 4. P. 1341–1346.

Stephan C.N. Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2003. No. 121. P. 48–57.

Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W. Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2003. P. 240–250.

Stephan C.N., Davidson, Paavi L. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification // *Journal Forensic Sci*. 2008. Vol. 53. No. 3. P. 612–619.

A.N. Bagashev*, S.M. Slepchenko, O.V. Kardash**, E.A. Alekseeva*,
A.V. Sleptsova***

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

**Surgut State University

Lenina st., 1, Surgut, 628412, Russian Federation

E-mail: bagashev@mail.ru; s_slepchenko@list.ru; kov_ugansk@mail.ru;
alekseeva.elena.ae@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

A COMPREHENSIVE STUDY OF THE BUKHTA NAKHODKA 2 BURIAL (YAMAL-NENETS AUTONOMOUS AREA, YAMAL PENINSULA)

This article presents results of a comprehensive study of paleoanthropological materials from the Buchta Nakhodka 2 burial on the Yamal peninsula (Yamalsky district, Yamal-Nenets Autonomous Area, Tyumen region, Russia). Morphological features of the skulls indicate their belonging to the Eastern-Mongoloid anthropological formation. However, in terms of the nasal bridge structure, they also belong to the Western Caucasoid population. The results of a study using the methods of multivariate statistics show that, despite a high individual variability characteristic of the modern species of *Homo sapiens*, the range of variability observed in the materials from the Buchta Nakhodka and Yumadoto burial grounds is within the scope of the intergroup variability typical of the North Samoyedic peoples. On this basis, a more representative sample of this ethnic group has been formed, which is taxonomically included in the Yamalo-Enisey group of populations of the West-Siberian anthropological formation. An interesting feature of the studied materials consists in the archaic structure of the lower premolars and the vestibular protuberance of the medial incisors, which are markers of an archaic character. Appearance of the population having lived in Yamal at that time is clearly shown via the facial reconstruction based on crania.

Key words: West Siberia, the Yamal peninsula, paleoanthropology, craniology, odontology, anthropological facial reconstruction, facial approximation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-104-116

REFERENCES

- Aksyanova G.A. (2003). Dental anthropology. *Etnografiya i antropologiya Yamala* (pp. 292–344), Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methodology of Anthropological Research*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bagashev A.N. (2016). Intergroup variability of craniological features of northern Samoyedians and Kets. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, (4), 86–93. (Rus.).
- Bagashev A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bagashev A.N., Slepchenko S.M. (2015). Craniological materials of the Taz Nenets. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*, (3), Tyumen, 6–10. (Rus.).
- Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Kardash O.V. (2018). Materials for Craniology of the Northern Samodians. *Annals of Volgograd State University*, (4), 6–14.
- Buikstra J., Ubelaker D.H. (1994). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, (44), Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1935). Ancient seaside culture on the Yamal Peninsula. *Sovetskaia etnografiya*, (4–5), 109–133. (Rus.).
- Debets G.F. (1968). An effort of craniometric determination of proportion of the Mongoloid component in the mixed population groups of the USSR. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii*, (13–22), Moscow: Nauka. 13–22. (Rus.).
- Filippov V.K. (2015). Determination of the iris center during graphic facial reconstruction on the skull. *Sudebnaia meditsina*, 1(2), 106–107. (Rus.).

- Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova Z.P. (Eds.) (2005). *Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkupy. Nenets. Entsy Nganasans. Kets*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gerasimov M.M. (1949). *Basics of facial reconstruction on the skull*, Moscow: Sovetskaia nauka. (Rus.).
- Gerasimov M.M. (1955). Reconstruction of the face on the skull: (Modern and Fossil Man). *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*, 28, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1961). Angle of transverse bending of the forehead and its value for racial diagnosis. *Voprosy antropologii*, (8), 88–98. (Rus.).
- Guyomarc'h P., Stephan C.N. (2012). The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation. *Journal of Forensic Sciences*, (57), 1427–1441.
- Kardash O.V. (2011). *Sikhirtya town in Nakhodka Bay: (First research results)*, Yekaterinburg; Nefteyugansk. (Rus.).
- Kardash O.V., Lips S.A., Sidorova M.O., Myglan V.S. (2018). Nadym town: New data on chronology and Russian development of the North of Western Siberia in the XIII–XIV centuries. *Arkheologiya Severa Rossii: Iugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Surgut, 1–5 oktiabria 2018 goda)*, 2 (pp. 346–381), Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: Institut arkheologii Severa. (Rus.).
- Kardash O.V., Usolkina M.A. (2009). Barter trade of residents of the Yamal Peninsula in the XIII–XIV centuries (based on studies of the ancient settlement of Buchta Nakhodka, 2006–2008). *Novgorodskaya Zemlia — Ural — Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii*, 2 (pp. 335–347), Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (Rus.).
- Lashuk L.P. (1968). «Sirtya» — the ancient inhabitants of the Subarctic. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii* (pp. 178–193), Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lebedinskaia G.V. (1973). Ratio between the upper face and facial skull. *Antropologicheskaya rekonstruktsiya i problemy paleoetnografii* (pp. 38–56), Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lebedinskaia G.V. (1998). *Facial reconstruction on the skull*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lovejoy C.O. (1985). Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. (1985). Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 57–66.
- Nesterov E.M. (2017). *NTO: Radiocarbon analysis of organic samples from the Nakhodka 2 burial ground*, St. Petersburg. (Rus.).
- Nikitin S.A. (2009). Plastic reconstruction of the portrait on the skull. *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlia*, 1, Moscow. (Rus.).
- Poshekhonova O.E. (2018). New data on craniology of the Upper Taz Selkup. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 109–118. (Rus.).
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Alekseeva E.A. (2015). Craniology, odontology and reconstruction of the external appearance of the northern Selkups based on materials from the Kikki-Akki burial ground. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 93–104. (Rus.).
- Sidorova Maya O., Büntgen Ulf, Omurova Gulzar T., Kardash Oleg V., Myglan Vladimir S. (2017). First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia. *Dendrochronologia*, (4), 146–152.
- Stephan C.N. (2002). Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature. *Journal of Forensic Sciences*, 47(4), 1341–1346.
- Stephan C.N. (2003). Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, (121), 48–57.
- Stephan C.N., Davidson P.L. (2008). The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification. *Journal of Forensic Sciences*, 53(3), 612–619.
- Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W. (2003). Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines. *American Journal of Physical Anthropology*, (122), 240–250.
- Zubov A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov A.A. (2006). *A study guide on anthropological analysis of odontological materials*, Moscow: Etno-Onlain. (Rus.).
- Zubova A.V. (2013). Preliminary results of studying the archaic component of odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic period. *Vestnik antropologii*, (4), 107–127. (Rus.).
- Zykov A. P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the Archeology of Surgut Priobye: The Middle Ages and the New Time*, Yekaterinburg. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019